

Козлов Сергей Владимирович

Изображения Суворова

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Владимирович К.**
Изображения Суворова / Козлов Сергей Владимирович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 36 с.

ISBN 978-5-519-89702-0

ISBN 978-5-519-89702-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Если цѣль историка заключается въ томъ, чтобы очертить характеръ описываемаго героя, то на долю художника выпадаетъ задача воспроизвести, по возможности жизненнѣе, наружность того или другого лица, сохранивъ, тѣмъ самымъ, для грядущихъ поколѣній живой обликъ того, котораго не стало. Художественныя изображенія раскрываютъ передъ нами какъ бы вчерашній день прошлой жизни и ставятъ насъ въ непосредственное соприкосновеніе съ лицами, сдѣлавшимися уже достояніемъ исторіи. Особенно цѣнны изображенія тѣхъ выдающихся дѣятелей, которые играли видную роль въ судьбахъ своего отечества и коимъ оно обязано своимъ прославленіемъ. На первомъ планѣ среди такихъ лицъ стоитъ несомнѣнно Суворовъ, а потому его изображенія должны были бы представлять для каждаго истинно русскаго исключительный интересъ. Однако, мы вообще мало знакомы съ изображеніями этого народнаго героя и многіе считаютъ и понынѣ, что существовалъ лишь одинъ портретъ Суворова, написанный Шмидтомъ, съ котораго исполнена всѣмъ извѣстная и очень распространенная гравюра Уткина. Между тѣмъ, изъ русскихъ государственныхъ людей прошлаго вѣка не было ни одного, съ котораго было бы написано столько портретовъ и послѣ которыхъ осталось бы такое количество разныхъ гравированныхъ изображеній, какъ послѣ Суворова; даже съ «великолѣпнаго князя Тавриды», всецѣльнаго любимца Екатерины II, было меньше написано портретовъ, чѣмъ съ невзрачнаго старичка, имя котораго настолько гремѣло въ Европѣ, что за неимѣніемъ въ извѣстную минуту его оригинальныхъ изображеній, его имя ставили подъ портретами Вашингтона и Растончина!.... Однихъ гравированныхъ изображеній Суворова, батальныхъ и алегорическихъ картинокъ, къ

нему относящихся, а также и карикатуръ, ему современныхъ, поименовано въ словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ Ровинскаго — 207. Но этимъ спискомъ далеко не исчерпываются всѣ гравированныя изображенія Суворова и есть много гравюръ, не попавшихъ въ руки нашего знаменитаго иконографа. Въ моемъ собраніи найдется болѣе двадцати портретовъ вообще неизвѣстныхъ и преимущественно исполненныхъ въ Италіи въ 1799 году.

Самое полное собраніе гравированныхъ изображеній Суворова находится въ коллекціи русскихъ портретовъ, собранной Ровинскимъ и пожертвованной имъ Румянцевскому музею. Коллекція эта, конечно, не можетъ быть разрознена, а потому этимъ Суворовскимъ изображеніямъ суждено, по волѣ завѣщателя, и впредь остаться въ Москвѣ.

Если большинство изъ извѣстныхъ гравированныхъ изображеній Суворова сохранилось въ собраніяхъ любителей, за то портреты Суворова, писанные съ натуры масляной краской, особенно рѣдки и всѣ на перечесть; но и изъ нихъ многіе уже пропали безслѣдно.

Первое извѣстное изображеніе Суворова относится къ 1790 г., когда ему было 60 лѣтъ; оно находится на медали, выбитой въ его честь въ ознаменованіе его побѣдъ надъ турками въ 1787, 1789 и 1790 годахъ, и не отличается сходствомъ. Характеръ этого изображенія чисто героическій; лицо Суворова на медали старческое съ одутловатыми щеками; онъ представленъ съ густыми, волнистыми волосами; на голыя плечи накинута львиная шкура. Съ этой рѣдчайшей нынѣ медали, исполненной Леберехтомъ и экземпляръ которой имѣется въ моемъ собраніи, было гравировано въ Россіи семь портретовъ, также не имѣющихъ сходства, но уже рѣдко встрѣчающихся.

Не извѣстны портреты, писанные съ Суворова въ молодыхъ годахъ, да надо полагать, что таковыя и не существовали; по крайней мѣрѣ въ Суворовской семьѣ о нихъ ничего не было извѣстно. Суворовъ, сохранявшій до послѣднихъ лѣтъ своей жизни особенную бодрость тѣла и духа и замѣчательную подвижность, не любилъ упоминаній о своихъ годахъ, а также въ старости избѣгалъ смотрѣться въ зеркала, которыя завѣшивались въ помѣщеніяхъ, временно имъ занимаемыхъ, и совершенно не были допущены въ его постоянной квартирной обстановкѣ. Можно съ увѣренностью предположить, что множество извѣстныхъ намъ изображеній Суворова было исполнено не по его пинціативу, а безъ его вѣдома и по побужденію постороннихъ лицъ, вызванному все возрастающей популярностью русскаго

полководца; справедливость этого заключенія доказывается тѣмъ, что большая часть изъ всѣхъ извѣстныхъ гравированныхъ изображеній Суворова была исполнена во время италіанской кампаніи, въ 1799 году, когда слава его достигла своего апогея.

Изъ портретовъ, писанныхъ съ натуры, первый, дошедшій до насъ — миниатюра, исполненная на слоновой кости въ началѣ 1795 г., въ Варшавѣ. Эта миниатюра сохранилась въ семьѣ генералиссимуса и досталась А. А. Козловой отъ ея отца, генералъ-адъютанта князя Суворова. На портретѣ явственна подпись: «C. Besson, P:à Varsovie d'après la Nat. 1795». На миниатюрѣ лицо изображено старческое, морщинистое, но голубые глаза искрятся жизнепестотью и умомъ, а на щекахъ еще играетъ румянецъ; волосы на лбу и вискахъ рѣдкіе, сѣдые; не замѣчается еще прически, носимой Суворовымъ въ послѣдніе три года его жизни и отличавшейся особеннымъ локономъ, собиравшимъ на лбу. Суворовъ на этомъ портретѣ представленъ въ свѣтло-зеленомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, съ крестомъ Александра Невскаго на шеѣ, лентой Андрея Первозваннаго черезъ плечо и портретомъ австрійскаго императора, осыпаннымъ брилліантами, на груди. Въ рукахъ онъ держитъ фельдмаршальскій жезлъ и шляпу съ брилліантовымъ плюмажемъ; на немъ надѣта шпага, украшенная алмазами. Описываемый портретъ особенно цѣненъ, такъ какъ въ немъ мы имѣемъ первое, дошедшее до насъ, оригинальное, съ натуры писанное, изображеніе Суворова, подлинность котораго не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. По технике исполненія этотъ портретъ превосходенъ; онъ отличается мастерствомъ въ передачѣ позы и колорита и прекрасно сохранился.

За этимъ портретомъ слѣдуетъ упомянуть о другомъ, къ сожалѣнію пропавшемъ, написанномъ въ 1795—1796 годахъ и подаренномъ самимъ Суворовымъ Гримму. Съ этого портрета было гравировано шесть разныхъ изображеній; всѣ они имѣютъ тотъ же поворотъ головы, ту же прическу и тѣ же отличительныя глубокія продольныя морщины на лбу. Изображенія Суворова на миниатюрѣ и на портретѣ, подаренномъ Гримму, очень между собою схожи.

Лучшіе по художественному исполненію портреты Суворова были написаны въ 1796—1797 годахъ англійскимъ художникомъ Аткинсономъ (Johann August Atkinson; 1775 † послѣ 1829 г.), кисти котораго принадлежатъ прекрасные портреты Императоровъ Павла I и Александра I, а также батальныя картины, изъ которыхъ болѣе замѣчательная «Мамаево побоище». Одинъ изъ портретовъ, писанныхъ Аткинсономъ, поколѣнный; другой же представляетъ

Суворова во весь ростъ, съ обнаженнымъ палашомъ въ рукѣ; онъ снялъ съ головы треугольную шляпу и ею даетъ знакъ войскамъ идти въ бой; на фонѣ изображена баталія. Поза фигуры на этомъ портретѣ передана прекрасно; приходится сожалѣть, что оригиналъ не сохранился. Найти его было бы открытіемъ не менѣе цѣннымъ, чѣмъ случайная находка пастельнаго портрета Шмидта, прибрѣтеннаго Государемъ Императоромъ.

Поколѣнный портретъ Аткинсона находится нынѣ въ моей коллекціи и представляетъ собою, несомнѣнно, лучшее изъ сохранившихся художественныхъ изображеній Суворова. Портретъ обличаетъ кисть выдающагося художника; Суворовъ изображенъ въ свѣтлозеленомъ, расшитомъ золотомъ, фельдмаршальскомъ мундирѣ съ крестомъ ордена Александра Невскаго на шеѣ, съ Андреевской лентой черезъ плечо и алмазными знаками того же ордена, звѣздами Георгіевской и австрійской и на правомъ плечѣ у него надѣтъ брилліантовый эполетъ въ 60,000 р., пожалованный ему въ 1791 г. Императрицей Екатериной. На основаніи нѣкоторыхъ семейныхъ воспоминаній можно полагать, что этотъ портретъ принадлежалъ племянницѣ Суворова, графинѣ Хвостовой, рожденной княжнѣ Горчаковой, въ домѣ которой въ Петербургѣ онъ и скончался. Съ этихъ двухъ портретовъ, гдѣ Суворовъ, повидимому, изображенъ въ парикѣ, извѣстный англійскій граверъ Валькеръ (James Walker; 1748—1808), ученикъ Валентина Грппа, впоследствии академикъ, исполнилъ черной маперой два превосходныхъ листа; отъ каждаго изъ этихъ портретовъ я имѣю въ своемъ собраніи по два экземпляра, причемъ одинъ изъ оттисковъ гравюры во весь ростъ отпечатанъ ранѣе всякой подписи (*avant la lettre*); такіе листы почти не встрѣчаются болѣе. Графъ Растончинъ, посылая 27-го іюня 1799 года эти два портрета Валькера графу С. Р. Воронцову, писалъ ему: «*Je Vous envoie deux portraits du C-te Souworow. Celui qui est avec le bâton de commandement, est frappant pour le maintien. L'autre le représente mieux* (Архивъ князя Воронцова, VIII, 255)». Валькеру, специалисту гравюры черной маперы, мы обязаны лучшими акватинтами, выполненными по портретамъ лицъ Царской Фамиліи и дѣятелей второй половины XVIII вѣка, въ числѣ этихъ портретовъ можно указать на изображенія Екатерины II, Александры Павловны, Александра I, Потемкина, Румянцева и мног. друг. Портреты послѣднихъ двухъ лицъ, а также портреты Суворова, исполнены Валькеромъ и прибрѣтены мною вмѣстѣ съ многими другими рѣдкими изображеніями у Фельтена.

Всѣ остальные извѣстные портреты Суворова, писанные масляной краской и пастелью, относятся къ 1799—1800 годамъ; къ этому времени слѣдуетъ отнести и большинство гравированныхъ его изображеній. Изъ портретовъ 1799 года, болѣе всего извѣстенъ, хотя и не дошелъ до насъ въ оригиналѣ, портретъ, писанный въ Вѣнѣ, въ бытность тамъ Суворова, нѣмецкимъ художникомъ Крейцингеромъ. Этотъ портретъ признавался за схожее изображеніе Суворова и извѣстный нашъ партизанъ Денисъ Давыдовъ, видѣвшій во время своей юности Суворова, оставившаго въ немъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе, находилъ этотъ портретъ похожимъ; однако, это заключеніе не сходится съ другимъ его мнѣніемъ, болѣе убѣдительнымъ, въ которомъ онъ признаетъ бюстъ работы Гипара также за наилучшее передающій черты Суворова. Оригинальный бюстъ Гипара находится въ моемъ собраніи Суворовскихъ изображеній и онъ совершенно не похожъ на крейцингеровскій типъ, въ которомъ художникъ придавъ Суворову совершенно нѣмецкую фізіономію, значительно удлинилъ лицо и увеличилъ носъ и чрезмѣрно оттянулъ нижнюю губу, давъ ей характеръ, замѣчающійся у представителей Габсбургскаго дома. Повтореніе крейцингеровскаго портрета находилось еще относительно недавно у одного изъ князей Оболенскихъ, но, по наведенной мною справкѣ, онъ болѣе не существуетъ въ семьѣ прежняго владѣльца. Съ оригинала Крейцингера награвировано до 37 разныхъ портретовъ, изъ которыхъ лишь нѣкоторые, какъ, напримѣръ, гравюра Поля, исправленная и дополненная съ натуры, отличаются сходствомъ; другіе же сохраняютъ свой германскій характеръ, совершенно чуждый фізіономіи Суворова. Этого типа гравированные портреты Суворова не рѣдки и встрѣчаются въ большомъ числѣ въ Германіи и Австріи, гдѣ ими были иллюстрированы нѣмецкія изданія конца прошлаго и начала текущаго столѣтій, посвященные описанію жизни и побѣдъ Суворова.

Послѣ крейцингеровскаго изображенія слѣдуетъ упомянуть о портретѣ, считавшемся въ Суворовской семьѣ самымъ схожимъ и высоко цѣнимомъ генераль-адъютантомъ княземъ Суворовымъ. Этотъ небольшой овальный масляной краски портретъ (бюстъ) писанъ съ натуры въ Августѣ 1799 года тотчасъ послѣ сраженія при Нови. Суворовъ на немъ изображенъ въ бѣлой рубашкѣ съ Анпенскимъ крестомъ на шеѣ. Для всякаго, хорошо знакомаго съ иконографіей Суворова и составившаго себѣ понятіе о внѣшности генералиссимуса изъ множества его изображеній, а не по одному—другому портрету, будетъ вполне ясно, что портретъ въ рубашкѣ реально

передаетъ черты и выраженіе Суворова, какими онѣ въ дѣйствительности представлялись въ 1799 г. Этотъ единственный въ своемъ родѣ портретъ находится въ моихъ рукахъ и не выходилъ изъ семьи Суворова.

Въ концѣ 1799 года былъ написанъ съ Суворова портретъ масляной краской, во весь ростъ; генералисимусъ представленъ бѣгущимъ безъ шапки на полѣ сраженія съ обнаженнымъ палашомъ въ рукѣ; на немъ растегнутый мундиръ и всѣ регалии. Этотъ портретъ лучше всѣхъ другихъ передаетъ фигуру Суворова: передъ вами худощавый, подвижный старичекъ, — живой, пылкій темпераментъ котораго проявлялся особенно ярко въ бою. Такимъ въ дѣйствительности долженъ былъ быть по внѣшности Суворовъ въ 1799 году, когда вся Европа была полна его славой, когда Державинъ посвящалъ этому кумиру русскаго солдата свои вдохновенные стихи, когда въ честь его писались героическія поэмы и когда великосвѣтскія чопорныя австріячки считали за счастье дѣлать пряди его сѣдыхъ волосъ.... Этотъ портретъ принадлежалъ генералъ-адъютанту князю Суворову, но послѣ его смерти попалъ въ чужія руки и затѣмъ былъ купленъ мною. Согласно семейнымъ преданіямъ, онъ былъ написанъ для Великаго Князя Константина Павловича и впослѣдствіи подаренъ Императоромъ Николаемъ I. Съ этого портрета была снята копія, находившаяся у графини Елены Дмитриевны Канкриной.

Теперь надлежитъ сказать нѣсколько словъ о портретахъ Шмидта, написанныхъ въ Прагѣ въ 1800 году. Къ сожалѣнію, я не видѣлъ ни одного изъ оригинальныхъ портретовъ Шмидта, писанныхъ съ Суворова, и могъ составить о нихъ понятіе лишь по гравюрамъ, по нимъ исполненнымъ. Въ картинной галерей въ Дрезденѣ есть цѣлая ротонда, увѣшанная портретами Шмидта; въ ней Ровинскій, еще до меня, напрасно искалъ портретъ Суворова; также безплодны были и мои поиски. Біографъ Суворова Фуксъ называетъ Шмидта по ошибкѣ Миллеромъ; эпизодъ встрѣчи Суворова съ живоншцемъ и сеансъ, данный ему фельдмаршаломъ, описанъ весьма интересно, а потому я надѣюсь, что мнѣ не будетъ сдѣлано упрека за то, что я приведу этотъ рассказъ дословно (Е. Фуксъ, «Собраніе разныхъ сочиненій», С-Петербургъ 1827 г., стр. 134—137).

«Курфюрстъ Саксонскій, уважалъ отличныя достоинства великаго россиянина, изволялъ отправить въ Прагу (въ Богемію) знаменитаго своего живописца Миллера, для слѣсанія портрета Суворовна, который будетъ украшать дрезденскій музей или, лучше сказать, музей Европы. Сими словами возвыстилъ и князю Александру Васильевичу о прибытіи артиста въ Прагу. Онъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ

изволить беспокоиться его свѣтлость: откажи ему и скажи, что я мальчишка». Слѣ слова мени поразилъ, я остановился и прозяхнулъ съ жаромъ: «Судить, кто вы, не ваше дѣло; предоставьте сіе Европѣ. Ужели вы заставляете художника сказать вамъ, что сказано было Монтескье, отказавшемуся также отъ портрета: развѣ въ отказѣ семь менѣе гордости? Онъ запрыгалъ, поставилъ посреди горницы стулъ и нелѣль ввести къ себѣ живописца. При появленіи сего, сѣдинами украшеннаго старца, князь тотчасъ его обнялъ и расцѣловалъ. Потомъ, стеснясь, началъ по нѣмецки слѣдующую рѣчь: «Его свѣтлость курфиреть желаетъ имѣть мой портретъ. Ваша кисть изобразитъ черты лица моего; онъ видны; во внутреннее человечество мое сокрыто. Итакъ, скажу вамъ, любезный господинъ Миллеръ, что я проливалъ кровь ручьями. Содрагаюсь. Но люблю моего ближняго; во всю жизнь мою никого не сдѣлалъ несчастнымъ; ни одного приговора ни смертную казнь не подписывалъ; ни одно насѣкомое не погибло отъ руки моей. Былъ малъ, былъ великъ (тутъ вскочилъ на стулъ); при припадѣхъ и отпадѣхъ счастья уповалъ на Бога и былъ непоколебимымъ (сѣлъ на стулъ) какъ и теперь».—Тутъ умолкъ онъ, сидѣлъ неподвижно, и восхищенный Миллеръ, съ чувствомъ гордости припалъ за кисть. Прекрасный портретъ сей хранится и донынѣ въ Дрезденскомъ музеумѣ; а гравированная съ оного копія въ изданной мною исторіи».

Нѣсколько иначе рассказываетъ описанный фактъ, баронъ Ө. А. Бюллеръ, со словъ своего отца; онъ говоритъ (Д. Ровинскій, Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, т. II, столб. 1690), что «сеансъ этотъ былъ назначенъ Шмидту во время обѣда, часу въ девятомъ утра; Суворовъ сидѣлъ за столомъ въ рубашкѣ и разговаривалъ съ генералами; Шмидтъ рисовалъ съ него, сидя за другимъ концомъ стола. Послѣ обѣда Суворовъ прочелъ молитву и проскакалъ мимо Шмидта на одной ногѣ, закричавъ кукуреку. Мундиръ и ордена Шмидтъ писалъ послѣ, для чего камердинеръ Суворова, Прошка, вынесъ ему австрійскій фельдмаршальскій мундиръ съ блестящими звѣздами».

Во всякомъ случаѣ, изъ приведенныхъ текстовъ нѣтъ указаній на то, что портретъ писался для Суворова и что былъ ему переданъ. Нѣсколько извѣстно, правнучкѣ фельдмаршала А. А. Козловой, у ея отца не было ни одного пастелью писанаго портрета генералиссимуса и тѣмъ паче Шмидтовскаго; если бы было иначе, то этотъ портретъ не ускользнулъ бы отъ вниманія Ровинскаго, высказывающаго досаду по поводу того, что «оригинальный портретъ Шмидта неизвестно куда дѣлся» и указывающаго на повтореніе этого портрета, писанное для барона Бюллера, и съ котораго Уткинъ исполнилъ свою гравюру, предварительно снявъ акварельную копію, хранящуюся нынѣ въ публичной библіотекѣ. Г. Верещагинъ розыскалъ портретъ, считавшійся пропавшимъ, и, не касаясь вопроса о томъ, гдѣ и какъ этотъ портретъ найденъ, достаточно сказать, что самые компетентные знатоки живописи признали его подлиннымъ и со-

временнымъ Суворову, что неоспоримо доказывается, кромѣ подписи, характеромъ пастельнаго рисунка и карандашами, которыми онъ писался, такъ какъ вскорѣ послѣ смерти Суворова способъ рисованія пастелью совершенно измѣнился.

Съ оригинальнаго Шмидтовскаго портрета, бывшаго, со словъ Ровинскаго, въ рукахъ Бекетова, и на средства сего послѣдняго, гравированъ въ 1812 году Флоровымъ, а, отчасти, и Скотниковымъ, большой портретъ, грубый по исполненію, но не лишенный сходства: Бекетовъ, знавшій Суворова въ лицо и очень его почитавшій, цѣнилъ эту гравюру, считая ее за схожее изображеніе.

Значительно выше, по технике исполненія, стоитъ гравюра Уткина, изготовленная въ 1818 году по Шмидтовскому портрету, принадлежавшему барону Бюллеру, но за то она отличается меньшимъ сходствомъ. Эта гравюра почти всѣмъ извѣстна и по ней, по преимуществу, и составляется понятіе о фizioноміи Суворова.

Послѣ Шмидтовскихъ изображеній, о которыхъ только что говорено, приходится упомянуть о находящихся въ моемъ собраніи двухъ небольшихъ портретахъ масляной краски, писанныхъ также въ 1800 году. Первый изъ нихъ, какъ гласятъ преданія семьи, былъ написанъ для герцогини Курляндской, за которую былъ посватанъ сынъ генералиссимуса—Аркадій. При составленіи общаго очертанія, художникъ пользовался тогда же написаннымъ портретомъ Шмидта, но окончилъ его однимъ сеансомъ, даннымъ Суворовымъ живописцу. Портретъ этотъ былъ извѣстенъ и Ровинскому, который про него упоминаетъ (т. II, приложение, столб. 291): «У свѣтл. кн. Суворова: кн. А. В. Суворовъ, типъ нѣсколько отличается отъ Шмидтовскаго». Этотъ портретъ довольно характеренъ, но значительно уступаетъ, по живописи, тому, гдѣ Суворовъ представленъ въ рубашкѣ съ Анненскимъ крестомъ на шеѣ. Второй изъ двухъ упомянутыхъ портретовъ подаренъ А. А. Козловой, статсъ-дамой, графиней Панипой, которая пожелала, чтобы это цѣнное и несомнѣнно современное Суворову изображеніе было въ рукахъ послѣдней изъ Суворовыхъ по рожденію. Генералиссимусъ на этомъ портретѣ изображенъ въ бѣломъ австрійскомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ и по типу онъ ближе всего подходитъ къ Шмидтовскимъ изображеніямъ ¹⁾.

Этимъ исчерпывается почти все, что можно сказать объ извѣстныхъ и современныхъ Суворову портретахъ, такъ какъ другіе, какъ,

¹⁾ Фототипія съ этого портрета, исполненная Вильборгомъ, приложена къ настоящей статьѣ.

напримѣръ, писанный живописцемъ Фросте въ 1835 г. и принадлежащій мнѣ, и портреты Суворова, находящіеся въ фельдмаршальскомъ залѣ Зимняго дворца, въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ, въ музеѣ общества исторіи и древности въ Одессѣ и въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, написаны уже послѣ смерти Суворова и не имѣютъ характера портретовъ, исполненныхъ съ натуры, почему мнѣ казалось достаточнымъ только о нихъ упомянуть.

Къ числу особенно интересныхъ изображеній Суворова слѣдуетъ отнести бюстъ его и именно тотъ, который былъ исполненъ, вскорѣ послѣ смерти генералиссимуса, Гишаромъ съ маски, снятой съ лица покойнаго. Подлинный бюстъ Гишара, принадлежавшій сыну Суворова, попалъ затѣмъ въ чужія руки, но купленъ мною и находится нынѣ въ моемъ собраніи. Это дѣйствительно рѣдкое изваяніе, отличающееся чрезвычайно тонкой отдѣлкой; бюстъ вылитъ изъ темной бронзы, на которой за истекшее столѣтіе образовалась зеленоватая патина; Суворовъ представленъ въ рубашкѣ съ Анпенскимъ крестомъ на шеѣ; черты лица переданы во всей точности и реальности и обличаютъ заботливое и артистическое исполненіе; вездѣ чувствуется рѣзецъ скульптора, съ любовью относившагося къ своему творенію. Бюстъ при всѣхъ поворотахъ одинаково хорошъ и интересенъ и вызывалъ подобную оцѣнку всѣхъ безъ исключенія видѣвшихъ его знатоковъ.

Изъ мнѣній разныхъ современниковъ о сходствѣ тѣхъ или иныхъ изображеній Суворова особенно цѣнно опредѣленіе Дениса Давыдова, весьма интересно повѣствующаго о своей встрѣчѣ въ 1793 г. съ «великимъ Суворовымъ»; привожу дословно выдержку изъ разсказа нашего извѣстнаго партизана («Сочиненія Дениса Васильевича Давыдова», т. I, стр. 97 и 98):

«До разсвѣта войска выступили изъ лагеря, и мы, снуя чась по ихъ выступленіи, потѣхали вслѣдъ за ними въ коляскѣ. По угонишься ли за конницей, ведомою Суворовымъ? Бурные разливы ея ежеминутно уходили отъ насъ изъ виду, оставляя за собою одинъ дугъ, болѣе и болѣе удалявшійся. Иногда между эскадронами въ облакахъ пыли показывается кто-то, скачущій въ бѣлой рубашкѣ, и въ лобовытнмъ народѣ, высылавшемъ въ поле для одного съ нами предмета, вырывались крики: «Вотъ онъ, вотъ онъ! Это онъ, нашъ батюшка, графъ Александръ Васильевичъ!» Вотъ, все, что мы видѣли и слышали. Наскучивъ наконецъ безплоднымъ стараніемъ хотя однажды взглянуть на героя, мы возвратились въ лагерь въ надеждѣ увидѣть его при возвращеніи съ маневровъ, которые, какъ насъ уверили, должны были окончиться рѣше чѣмъ наканунѣ. И подлинно, около десяти часовъ утра, все зашумѣло вокругъ нашей палатки, закричало: «Скачегъ, скачегъ!» Мы выбѣжали и увидѣли Суворова въ 100 саженихъ отъ насъ скачущаго во всю прыть мимо нашей палатки. Я помню, что сердце мое тогда упало, какъ послѣ упало при встрѣчѣ съ любимой женщиной. Я весь былъ

вороть и вниманіе; весь былъ любопытство и восторгъ, и какъ теперь вижу толпу, составленную изъ четырехъ полковниковъ, изъ корпуснаго штаба, адъютантовъ и ординарцевъ, и впереди толпы Суворова, на саврасомъ камышкомъ конѣ, принадежавшемъ моему отцу, въ бѣлой рубашкѣ, въ довольно узкомъ, полотняномъ нижнемъ платьѣ, въ сапогахъ, въ родѣ тоненькихъ ботфортъ, и въ легкой маленькой, солдатской каскѣ, формы того времени, нѣсколько сходной съ формой выпыщенныхъ касокъ гвардейскихъ конныхъ гренадеръ. На немъ не было ни ленты, ни крестовъ: это мнѣ очень памятно, какъ и черты худощаваго лица его, покрытаго морщинами, достойнымъ наблюденія Лафатэра, какъ и поднятыя брови и нѣсколько опущенныя вѣки. Все это, несмотря на дѣтскія зѣта, запечатлѣлось въ моей памяти не менѣе его одежды. Вотъ отчего мнѣ не нравится ни одинъ изъ его бюстовъ, ни одинъ изъ его портретовъ, кромѣ портрета, писаннаго въ Вѣнѣ, во время прѣзда его въ Италію, и котораго вѣрнѣйшая копія находится у меня, да бюста Гипшара, названнаго по слѣнку съ лица послѣ его смерти. Портретъ искусно выгравированный Уткинымъ, не похожъ: онъ безъ оригинальнаго выраженія его фizioноміи и безжизненъ. Когда онъ несся мимо насъ, любимый адъютантъ его Тищенко, человекъ совершенно необразованный, по котораго онъ передъ всѣми выставилъ за своего наставника, ~~какъ~~ будто слушался его наставленій, Тищенко закричалъ ему: «Графъ! что вы такъ скачете? Посмотрите, вотъ двѣ Василы Денисовича!»—«Гдѣ они? гдѣ они?» спросилъ онъ, и, увидя насъ, поворотилъ въ нашу сторону, подскакалъ къ намъ и остановился. Мы подошли къ нему ближе. Поздоровавшись съ нами, онъ спросилъ у отца моего наши имена; подозвавъ насъ къ себѣ еще ближе, онъ ~~благословилъ~~ насъ всѣмъ важно, протянулъ каждому изъ насъ свою руку, которую мы поцѣловали, и спросилъ меня: «Любишь ты солдатъ, другъ мой?» И со всѣмъ порывомъ дѣтскаго восторга мгновенно отвѣчалъ ему: «Я люблю графа Суворова; въ немъ все, и солдаты, и побѣда, и слава!»—«О, помилуй Богъ, какой удалой!» сказалъ онъ; «это будетъ военный человекъ; и не умру, а онъ уже три сраженія выиграетъ! А этотъ (указавъ на моего брата) пойдетъ по гражданской службѣ!» Съ этимъ словомъ онъ вдругъ поворотилъ лошадей, ударилъ ее нагайкою и поскакалъ къ своей палаткѣ...

Въ этомъ краткомъ, мастерскомъ описаніи—цѣлая картина, которая прекрасно передана въ рисунокъ художника Коцебу, приложенномъ къ исторіи Суворова Полеваго.

Русскіе портреты, гравированные, по оригиналамъ Шмидта, Флоровымъ и Уткинымъ, были воспроизведены въ разную величину при помощи гравюры или же фототипіи и гелиографюры: наилучшимъ воспроизведеніемъ Флоровскаго большаго портрета служатъ уменьшенныя съ него копіи, гравированныя Флоровымъ же, и появившіяся въ изданіяхъ Фука: «Исторія російско-австрійской кампаніи 1799 г.» и «Anecdoten aus dem Leben des Fürsten Italinsky Graf Suworoff Rymniksky» и въ «русскихъ анекдотахъ Глинка»; портретъ, находящійся въ послѣдней книгѣ, очень типиченъ и сопровождается подписью, заключающею любимыя слова Суворова: «Торопитесь дѣлать добро. Я руской! вы рускіе! съ нами Богъ! «ура»! (орфографія сохранена)». Съ Флоровскаго же изображенія гравированъ прекрасный портретъ, приложенный къ сочиненію Полеваго: «Русскіе полководцы»; эта гравюра одна изъ наиболѣе